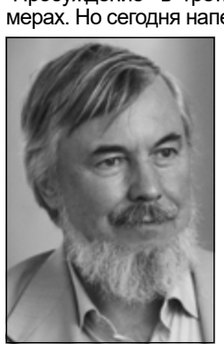
Александр КАЗИНЦЕВ

Счастье стать своим

О молодёжном номере журнала «Наш современник» беседовала Яна Сафронова

Яна Сафронова: *В августе этого года вышел очередной молодёжный номер журнала "Наш современник". Александр Иванович, как давно журнал отдаёт один выпуск в году молодым и почему возникла такая идея?*

Александр Казинцев *(заместитель главного редактора):* Журнал всегда печатал молодых. Когда "НС" опубликовал "Последний срок" Валентина Распутина, автору было 32 года. Вот и сейчас мы представили роман Андрея Тимофеева "Пробуждение" в третьем-четвёртом номерах. Но сегодня напечатать мало, надо привлечь внимание. Культурное пространство разорвано. Тиражи мизерны. Рецензии редкость. Даже талантливое произведение может остаться незамеченным. Поэтому с 2005 года редакция организует акции — собирает молодых под одной обложкой, устраивает презентации, обращается к рецензентам: прочтите, откликнитесь!



Я.С.: *Можно ли говорить, что за это время сформировалось и устоялось новое литературное поколение? Существует ли, на ваш взгляд, поколенческий фактор в литературе?*

А.К.: Новое литературное поколение приходит примерно раз в десятилетие. 70-е годы — писатели-деревенщики, 80-е — "сорокалетние", так называемая амбивалентная проза, 90-е — постмодернисты, нулевые — "новые реалисты". Теперь время "новых традиционалистов". Конечно, это термины условны, они придуманы критиками, чтобы удобнее было выстраивать схемы. На самом деле каждый писатель наособицу и чем талантливей, тем неповторимей. Распутин не похож на Астафьева, Прилепин на Сенчина, Тимофеев на Антипина. И всё-таки поколенческая общность, пусть и не на декларативном уровне, существует. Общие проблемы, общее ощущение времени, отношение к традиции, материалу, читателю. Деревенщики писали для народа, для них он не был умозрительной категорией. Амбивалентная проза обращалась преимущественно к городскому читателю, разуверившемуся в официальной идеологии, растерянному, потерявшему ценностные ориентиры. Постмодернисты вписались в тёмный хаос 90-х. "Новые реалисты" мобилизовали выживших в катастрофе — сумрачных, обозлённых, отчаянных. А для кого пишут "новые традиционалисты"? Андрей Антипин — дальняя веточка, поздний побег деревенской прозы. Он рассказывает о земляках, таёжном народе, но понимает, что земляки его не читают, и с горечью говорит об этом. Убывание читателя, заметное по падению тиражей — от сотен тысяч до нескольких сотен экземпляров, — придаёт творчеству нынешних молодых особый драматизм, но и сплачивает.

Я.С.: *Назовите наиболее талантливых молодых писателей.*

А.К.: Андрей Антипин — великолепный знаток народного характера и народного слова. Юрий Лунин, обладающий редким даром повествователя, почитайте "Клетку" – вроде бы ни о чём, а оторваться невозможно. Андрей Тимофеев, идеолог "новых традиционалистов", организатор Совета молодых литераторов и в то же время талантливый прозаик, своеобразно сочетающий масштабность социального видения с лирическим проникновением в суть человеческих характеров, особенно женских. После Распутина, по-моему, никто не чувствует женскую душу так глубоко и не пишет о ней так трепетно, как Андрей. Елена Тулушева — автор коротких рассказов о ненужных детях, маленьких "исключенных" "дивного нового мира". Жёсткость сюжетов сочетается в них с немногословным, как бы потаённым состраданием. Из поэтов назову Андрея Тихонова, Марию Знобищеву, Карину Сейдаметову, Кристину Кармалиту.

Я.С.: *Каковы основные черты и особенности этого поколения? Чем названные авторы отличаются от условного течения "нового реализма"?*

А.К.: А почему вы сравниваете себя с "новыми реалистами"? Сопоставляете и — вольно или невольно — противопоставляете себя им? Яна, я говорю не о вас лично — о ваших друзьях. Ребята, вы не знаете своих настоящих оппонентов, скажу резче — литературных противников. За спинами Прилепина и Сенчина не видите Пелевина и Сорокина. Почему? Потому что "новые реалисты" потеснили их на культурном поле и в общественном сознании. В 90-е постмодернистов рекламировали столь же назойливо, как женские прокладки. Прилепин с друзьями сломали их гегемонию. Скажу честно, у вас, несмотря на ваши таланты, не хватило бы сил сделать это. Сейчас вы можете обращаться к публике со своими произведениями, а лет двадцать назад вас бы не то что не приняли — не поняли бы! А где новаторство, ниспровержение традиций, морали, языковых запретов? Где мистические трансформации, превращения туманного Нечто в ещё более эфемерное Ничто? Нет, даже не пытайтесь предлагать нам свои простенькие реалистические тексты, грубую правду о реальных людях. Кому интересна ваша правда?.. А теперь она интересна и нужна. Благодаря работе предыдущего поколения.

Постмодернизм потеснён, но никуда не делся. Он до сих пор формирует контент либеральных журналов, в том числе номеров, отданных молодым. Сошлюсь на ваш безжалостно точный разбор молодёжного выпуска журнала "Знамя", в частности, "гвоздевого" романа Степана Гаврилова. Процитирую: "У них (героев романа. — *А.К.*) нет сформированных целей, они прыгают с одного места работы на другое и в свободное время частенько находятся "под кайфом". Главный герой с упоением рассказывает байки о наркотических притонах, всячески романтизирует изменённое состояние". В первом номере "Знамени" напечатана повесть молодого прозаика из Нижнего Новгорода Тимура Валитова. В повести все во что-то превращаются. Герой — турецкий историк, живущий в Италии (ну, конечно, о ком же писать юному нижегородцу?). Наплыв — как в кино — и он превращается в османского полководца, вторгшегося на Апеннины. Действие происходит в городке Отранто. Наплыв — и город превращается в средневековую крепость. Герой сочинительствует.

Бесконечные превращения — бегство от реальности. Свидетельство не силы воображения, а слабости жизненной воли.

Этому калейдоскопу видений противостоит ясность и подлинность произведений как "нового реализма", так и "нового традиционализма". Вот что пишет критик Валентина Семёнова о романе Андрея Тимофеева "Пробуждение". "Роман привлёк моё внимание тем, что он о современной молодёжи. Причем о молодёжи, которую нечасто встретишь на книжно-журнальных страницах последних лет и даже десятилетий. Ей подходит слово "нормальная" — то есть без стремления к "крутизне", без тяги к порочным удовольствиям, без пристрастия к нецензурной лексике и т.д. Это молодежь, обживающая Москву, приехавшая из разных городов страны или оставшаяся в столице после получения образования" *("Наш современник", № 8, 2019)*. Противопоставление текстов и подходов к действительности наглядно показывает разницу между "новым традиционализмом" и постмодернизмом в его новейшем изводе.

Разница между поколениями Тимофеева и Прилепина менее существенна. Противостоя постмодернистам, "новые реалисты", как часто случается, унаследовали некоторые черты оппонентов. В частности, избыточный, иной раз болезненный, физиологизм. У Станислава Куняева есть стихотворение, герой которого вступает в борьбу с "адскими силами". Одерживает победу, но, когда выходит к единомышленникам, те отшатываются: "Адским пламенем пахнет". Это пламя порой (далеко не всегда) опаляет и произведения "новых реалистов". В сравнении с ними поколение Тимофеева более целомудренно. И в этом плане более традиционно для русской литературы.

Я.С.: *На определённом этапе развития журнала мне казалось, что литературная генерация, о которой мы говорим, начинает костенеть. Одни и те же молодые авторы из номера в номер, отсутствие очевидного развития. Но в этом номере можно встретить большое количество совершенно новых имён — можно ли сказать, что это обновление, приток свежей крови? Кто они, пришедшие вслед за "новыми традиционалистами"?*

А.К.: Нет, Яна, смены поколений не произошло, просто появились новые имена. Не удивительно — в августовском номере 38 молодых авторов. В прошлом году было тридцать. В позапрошлом — двадцать. Мы не гонимся за числом, просто расширяем круг поиска. И приходят новые люди. Наталья Мелёхина — прозаик и публицист из Вологды, прозаики: кемеровчанка Виктория Сагдиева, Александра Яковлева из Омска, калужанин Максим Васюнов, Михаил Калашников из Воронежа. Артём Попов из Северодвинска — автор поразительно тёплых очерков о деревенской родне, Андрей Калашников — муниципальный депутат из Тверской области, помогающий выжить вдовам войны в заброшенных деревнях. Критик из Армении Константин Шакарян, влюблённый в русскую поэзию. Поэты: Наталья Иванова, живущая сейчас в Сингапуре, Григорий Ткачёв из Подмосковья, его рекомендовала Инна Ростовцева, москвичи Алексей Низовцев и Ольга Ефимова. С удовольствием и надеждой называю имена новичков.

Я.С.: *Что отличает "новых традиционалистов"? Чем они живут, какие темы их волнуют? Каково творческое поведение?*

А.К.: Откроем молодёжный номер. На первой же странице стихи Александра Тихонова о таёжном походе. Наталья Иванова вспоминает сенокос в родном селе. Григорий Тачков пишет, как речной буксир "надрывно тянет баржи". Видение прозаиков и публицистов драматичней, но столь же конкретно. Виктория Сагдиева пишет о борьбе юного пациента психиатрической клиники за собственное достоинство. Андрей Калашников рассказывает о том, как женщины военного поколения выживают в брошенных деревнях без света, водопровода и других благ цивилизации. Жизнь с улиц перехлёстывает на наши страницы. "Пра-а-вду! Пра-а-вду!" — скандируют люди в Кемерово, где в пожаре погибли 60 человек (рассказ Агаты Рыжовой "А я здесь живу"). Правды требуют и участники московского митинга, на который попал старшеклассник Данил — герой повести "Я не боюсь" Ирины Михайловой. У каждого правда своя. Отец Данила — строитель-шабашник, рассказывает с надрывом: "Мы к одному приехали, а у него зоопарк в доме, представляешь? Настоящий зоопарк! Одна спальня — триста квадратов! Вот откуда? Обычный чиновник, не крупный даже. Так — мелочь, монета разменная. А он сто тысяч зажал. Для него сто тысяч — это один раз в кабак сходить. А нам жить два месяца".

Не стоит искать в произведениях молодых декларативную оппозиционность. Они пишут о том, что видят. Взвихрённые человеческие множества на площадях — примета нашего времени. В романе Андрея Тимофеева толпы выходят, чтобы поддержать присоединение Крыма. В повести Ирины Михайловой они протестуют против неравенства и несправедливости.

Так что же это — "новый натурализм"? "Физиология Москвы" вместо "Физиологии Петербурга" двухсотлетней давности. Нет, это правда жизни, свободная от идеологических пристрастий. Молодые писатели отображают её во всём объёме — с митинговыми страстями, радостью сельской работы и тонким процессом самопознания и самоопределения, о котором с завораживающей красотой повествует Юрий Лунин (рассказ "Три века русской поэзии").

Я.С.: *Ведёте ли вы образовательную работу с молодыми писателями в реальной жизни?*

А.К.: В Липках на Форуме СЭИП у меня вышел публичный спор с главным редактором "Знамени" Сергеем Чупониным. Он утверждал, что для них автор как человек безразличен — только текст. Я отвечал: для нас важна позиция человека, его кругозор, культура, творческий потенциал. Особенно, если речь о молодом писателе. Далеко не всегда автор раскрывается с первого раза. Надо понять, способен ли он к развитию, и как работать с ним, чтобы добиться максимального результата. Личному общению я придаю большое значение. С близкими мне авторами переписываюсь, перезваниваюсь постоянно. Поддерживаю, критикую, советую. И конечно, мы разбираем всё, что они напишут. И даже то, что только собираются написать. Произведение закончено, доработано автором, отредактировано мною и напечатано. Но я не оставляю заботу о его судьбе. Заказываю рецензии, обращаю внимание знакомых критиков и редакторов. Номинирую на премии. Помощь молодым должна быть всесторонней.

Я.С.: *Молодой писатель есть, а что с молодым читателем? Как "толстым" литературным журналам обрести его?*

А.К.: Дело не только в журналах. Литература в обвале. На вечерах отсутствие читателя предельно наглядно: иной раз на сцене людей больше, чем в зале. Проблема обозначилась ещё в 90-х. Тогда её связывали с экономическим фактором. Население враз обнищало, а книги и журналы подорожали. Потом поняли — дело не только в цене. Художественная литература перестала быть доступной, стремительно исчезали книжные магазины. Помню книжный неподалёку от дома поделился площадью с продавцом автомобильных деталей. Спустя год торговали только деталями, о книгах не вспоминали.

Но дело не только в материальных факторах. Изменились люди. В атмосфере 90-х и нулевых, когда высокие смыслы были вытеснены идеей "купи — продай" и соответствующей "духовной продукцией", люди быстро, а многие даже охотно сбросили с себя культуру. Как немодную одежду, к тому же мешающую "крутиться", что стало смыслом существования для миллионов.

Что делать? Писать. Несмотря ни на что. Если есть, что сказать, говори! И читай — коллег, сверстников. Нужно быть полным идиотом, чтобы думать: меня-то прочтут, а других я читать не обязан. На сайте "Стихи.ру" зарегистрирован миллион авторов, на "Проза.ру" — более 40 тысяч. Потенциально это десятки тысяч читателей. Надо научить их читать. Не только себя, но и настоящие книги.

И ещё: надо верить и знать — времена меняются. Эпоха "купи-продай" уходит в прошлое. Будущее за сложными производствами, а значит — за интеллектуалами. Интеллектуал без книги немыслим. Это не абстрактный постулат. Я знаю немало молодых физиков, математиков, читающих художественную литературу.

Я.С.: *Какой главный совет вы бы дали начинающему автору?*

А.К.: Одним советом не обойдешься. Тем более, есть советы творческие, а есть технические — для начинающего они тоже полезны. Попробую ответить кратко. Обычно советуют учиться у классиков. Справедливо. Но я бы советовал изучать произведения ранние, а не периода зрелости. Зрелые столь совершенны, что приёмы письма, технология "сборки" в них почти не ощутимы. Не потому что классики что-то скрывали, а потому, что их вершинные творения — это синтез опыта литературного и жизненного. В сущности они не "собраны", хотя, разумеется, элементы организации текста в них присутствуют, а рождены. В известном смысле "Капитанская дочка" или "Война и мир" не только художественные произведения, но и этапы творческого становления, если угодно — куски жизни Пушкина и Толстого. Ну-ка разберите по косточкам Александра Сергеевича или Льва Николаевича! Конечно, досужие специалисты только этим и занимаются. Но в результате мы узнаём, в чём ошибался Толстой в своей концепции истории, в своём взгляде на народ, каким образом он давал характеристики героям (подрагивающие ляжки Наполеона), однако всеведующие специалисты так и не могут объяснить, почему люди на четырёх континентах почти два века зачитываются книгой с набором "ошибочных взглядов" и механистических (когда речь о нелюбимых персонажах) характеристик.

Ранние произведения более наглядны, "технологичны". Вот с ними и работайте. Ни на минуту не забывая о вершинных творениях, пытаясь понять, как из этого набора приёмов, характеристик, тем, образов выросли громады "Капитанской дочки" и "Войны и мира".

Учиться надо и у сверстников. Вы люди одной эпохи, вы сталкиваетесь с одними и теми же проблемами. Посмотрите, как их раскрывает ваш сосед на семинаре. Как реагируют на его текст. Что выделяют, что отвергают. Учитесь на его примере. Воспользуйтесь опытом. Самое важное: учитесь у себя. Не только на ошибках, что обычно советуют. Прежде всего на своих удачах. У вас получилось — другие хвалят, да вы и сами чувствуете. А теперь проанализируйте — как, за счёт чего. Сделайте интуитивное открытие осознанным приёмом. Это ваше открытие, ваш приём, вам сподручно им пользоваться.

Теперь совет технический. Полтора десятка лет я веду мастер-классы на молодёжных форумах. И наблюдаю, как, отучившись в одном семинаре, ребята на следующий год выбирают другой, а ещё через год — третий. Понятно желание посмотреть: а как у других. И всё же, думаю, проще удовлетворить любопытство, открыв интересующий вас журнал, почитав, что пишет представляющий его мастер. Обязательно читайте тех, кто будет вести мастер-класс. Нигде человек не раскрывается так, как в своих писаниях. В общении вы можете обмануться, при чтении — никогда.

Выбирайте осознанно. А выбрав — держитесь за этот мастер -класс, за этот журнал. Помните, вам важно не только других посмотреть, но и себя показать. Сегодня вы у одного наставника, завтра у другого. И опыта не получите, и о себе памяти не оставите. Что вы думаете, несколько ваших реплик и один текст, быть может, случайный, навеки запечатлеются в голове мастера? Нет, чтобы остаться в памяти, надо продолжить общение. Стать своим. В мастер-классе, затем в журнале. И самое главное — своим для читателей. Один раз опубликовался — и нос кверху: я автор " Нашего современника" или " Знамени". А спросите, читатель запомнил такого автора. После одной публикации вряд ли. С читателями, как и с редакторами, нужно работать. Зато какое счастье — стать своим!

Юрий ХАРЛАШКИН

Пробуждение неспящих

Мысли, возникшие после прочтения романа Андрея Тимофеева «Пробуждение»

Восстань, что спишь, Господи!
Пробудись, не отринь навсегда.
Пс 43:24

…А собственно кто в романе пробудился? И пробудился ли вообще? О какого рода пробуждении идёт речь? На первый взгляд, кажется, что ответы лежат на поверхности. Конечно, роман касается «русской весны», присоединения Крыма, войны на Донбассе. Конечно, в центре повествования находятся молодые люди, живущие в Москве, каждый из которых имеет своё совершенно искреннее представление о том, что происходит и что нужно делать. Но всё ли так просто?

Кто из героев прав? Чья точка зрения ближе автору? Почему автор сочетает политические споры с любовными историями? Что в романе главное: политика или любовь? О чём роман? О пассионарно настроенной молодёжи? Или о той каше в головах, которая возникала у каждого, кто смотрел новости в пресловутом 2014 году?.. Или о чём-то более тонком?

Конечно, можно подумать, что пробуждаются в романе молодые герои, которым небезразлична судьба России и русского мира, однако в перипетиях политических споров и любовных коллизий просвечивает нечто совершенно иное. Это вовсе не роман о неспящих, противопоставленных «спящим» либералам Юрия Быкова. Но давайте по порядку…

Андрей Тимофеев – не из тех авторов, которые вкладывают в уста персонажей свою точку зрения. А учитывая, что повествование ведётся от первого лица, то авторская позиция должна располагаться в принципе вне текста, то есть проистекать из него и домысливаться уже самим читателем в меру своих духовных сил. Например, в первой половине романа главный герой не то чтобы не говорит, он и сам не осознаёт своей влюблённости в Катю (хоть и думает, что чувство в прошлом), а читатель, таким образом, наблюдает за событиями со стороны и видит не историю взаимоотношений Кати и Андрея, но любовный треугольник Володя – Катя – Андрей…

Роман состоит из четырёх частей, однако деление на две части, как роман и опубликован в журнале «Наш современник», кажется более соответствующим авторскому замыслу. Перед нами словно роман из двух рассказывающихся последовательно любовных историй. В первой части – уже упомянутый любовный треугольник, во второй – отношения Володи и Варвары. Вообще, тема отношений занимает в романе не меньше страниц, нежели политические споры, описания митингов и собраний «ячейки» и краткие исторические экскурсы.

Кстати, именно эти экскурсы и обозначения конкретных дат и дают повод к формальному разделению на две части, потому что они обрамляют эти отдельные любовные истории, зачинают и завершают их.

При этом во время чтения возникает явный диссонанс: о чём произведение – о политике или отношениях? Роман словно имеет две тематические линии, совершенно друг от друга независящие, и при чтении думаешь, как же эти линии в финале пересекутся, свяжутся в единое? Не формально, как например отказ Володи ехать на сборы и последующий разрыв, в данном случае – это мелочь, частность, ведь читателю ясно, что разрыв рано или поздно произойдёт, не по этому, так по другому поводу. Нужна связка в идейном содержании произведения. А она оказывается вне пределов текста, но постараемся нащупать и её!

Итак, в основе сюжетопостроения романа лежит именно любовная тематическая линия. Она и оказывается превалирующей над политической. Героев можно представить участниками не политического движения («Суть»), а, например, экологического, и все конфликты при этом сохранятся, но заменить любовную линию на что-либо другое уже не получится, даже если героев просто расселить в разные квартиры в начале романа, то конфликты станут менее острыми, а некоторые и вовсе станут неактуальными (как в случае с любовным треугольником).

Что же это значит? Политическая линия в романе оказывается необязательной? Не совсем. Для авторского замысла – политика наиболее удобная и благодарная для раскрытия тема.

Итак, автор выбрал субъективную форму повествования, при которой рассказчик и персонаж функционально объединены. Такая манера придаёт тексту определённые характеристики и возможности. Например, исповедальный тон, интимное смешение личного опыта с придуманной фабулой, наделение героя неподдельной искренностью, взгляд рассказчика-героя на события из некоего настоящего в описываемое прошлое, а значит и его моральное право судить… не других, но себя – прошлого.

Володя Молчанов – постоянно рефлексирующий герой. Он не просто живёт в социуме, но всегда с социумом. Это герой крайне деликатный, чувствующий других людей, пытающийся их понять, успешно или нет – вопрос другой, в разных ситуациях по-разному. Его взгляд всегда направлен на окружающих, по-хорошему аналитичен, его порывы благородны… И тем не менее, довольно часто гложет червячок сомнения: а так ли идеален Володя? То, что он абсолютно положительный герой – верно, однако верен ли его самоанализ, саморефлексия? Уже одно то, что Володя не осознаёт в первой части своей влюблённости в Катю, говорит о том, что – нет, герой не обладает истинным знанием о себе самом, а его понимание других людей – верно лишь наполовину. Однако постепенно герой меняется: в самом конце романа в кратком эпизоде, когда Володя, недолго поколебавшись, подарил продавщице купленный у неё же букет цветов. Пусть после этого его обуяла тоска, и цветы не решат проблем, с которыми, как думает герой, наверняка сталкивается продавщица, но именно в этом «пошлом» поступке чувствуется правильность, к которой Володя стал приближаться. Герой оказался на пороге истинного понимания других, а значит, и себя.

Андрей Тимофеев – тонкий психолог, и наделение главного героя своим знанием о людях, как бы говорит, никто не идеален, даже автор, но и этот посыл остаётся за пределами текста, что придаёт деликатность уже не манере поведения героя, но – автора. И дело здесь не в осуждении одних персонажей и поддержке других, чего в принципе в романе нет. Главное, что деликатность автора находится уже в иной плоскости повествования, выходящей за рамки текста. Эта плоскость, скажем, «совестливость» текста, оказывается третьей тематической линией, словно спрятанной автором за произведением. Но на самом деле эта тема пунктиром обозначена на протяжении всего романа, просто на ней не акцентируется внимание. Чем же материально выражена «совестливость»? Во-первых, немногочисленными разговорами о вере, всплывающими в романе словно невзначай и не имеющими отношения к событийной канве романа. Во-вторых, вставочными эпизодами, повествующими о детстве-юношестве некоторых героев, об их жизни до описываемых событий, объясняющими их поведение, моральные установки, политические взгляды, уважительно и деликатно подводящими к мысли о невозможности для этих персонажей быть другими.

Именно в третьей линии и сходятся политическая и любовная темы. Хотя, собственно любви в романе и нет, перед нами разворачиваются именно истории отношений, притирок друг к другу. Персонажи только учатся любить, совершают ошибки, ссорятся, мирятся. Потому в романе и оказываются так важны сексуальные сцены, грех и разум идут рука об руку, и подобные сцены иллюстрируют попытки Володи понять себя и других (в данном случае противоречивую Варю). Именно любовная тема перекидывает мостик к главной теме произведения: любви во Христе. Кстати, Варя единственная в романе кто говорит об этой любви, однако она не видит противоречия с установками «Сути» и сама испытывает ненависть к врагам и даже поддерживает осуждение Володи за его отсутствие в зале суда.

Однако в итоге сам Володя, будучи верующим с первых страниц романа, неосознанно открывает для себя христианскую любовь. Но может её и не нужно осознавать, а главное – чувствовать? Ведь в конце романа Володя не снисходит до каких-то объяснений своего желания ехать в Луганск, просто он – так чувствует, и здесь как раз и проявляется истинная любовь: не отношения со второй половинкой, не следование догматам политического течения или страх, прячущийся за равнодушием (например, точка зрения уехавшего в Тайланд уроженца Украины Ромы).

Как видим, мало верить в Бога, нужно верить и в человека, в то хорошее, что в нём есть. И тогда продавщица улыбнётся букету («насмешливо взяла»), и тогда можно ехать в Луганск, не потому что надо и так полагается, а по внутреннему желанию. И только оно, это внутреннее желание, эта любовь во Христе, способно изменить мир в лучшую сторону, а не идеологические споры, митинги, сборы в лагерях. Заметьте, как интонационно отличаются две схожие сцены: погрузка гуманитарной помощи у библиотеки и финальная посадка Володи в автобус, едущий в Луганск. Первая – с бессмысленными разговорами, сплетнями, осуждениями «предателей», пренебрежительным отношением ополченца Чёрного, выпивкой – всё это порождает фоновый шум, бессмысленную суету, в этой помощи нет блага. А вторая – наполнена прочувствованной тишиной (молчаливое движение садящихся, шёпот радио), обретающая смысл – озарение блаженного поступка, и даже «неправильные слова» вызывают, похоже, не страх, как думает сам герой, а катарсис.

И всё же, кто пробуждается? На ответ намекает сам автор фразой: «Но русский Бог молчал».

Мотив спящего Бога встречается в Библии: так, к Богу обращаются с просьбой пробудиться и ответить на мольбы. Однако подобные просьбы трактуются, как несправедливый и досадный призыв. Несправедливый, потому что Бог не спит, и все беды люди навлекают на себя сами. «Не даст Он поколебаться ноге твоей, не воздремлет хранящий тебя; не дремлет и не спит хранящий Израиля» *(Пс.120:3-4)*.

А потому пробуждение в романе – не желание героев изменить мир, «пробудившись», а их желание «пробудить» трансцендентные силы, способные навести порядок или хотя бы подбодрить, указать верный путь. И такими силами оказываются учение Кургузова, не столько коммунистическое, сколько национал-социалистическое, и «русский Бог». И если учение Кургузова требует активных и одновременно бесполезных действий, зомбирования молодёжи, того, что можно с натяжкой назвать пробуждением толпы, то «русский Бог» сам по себе не требует «пробуждения», он не может одобрить или осудить никакой поступок, так как поступки измеряются совестью – главной константой романа, цементирующей все три тематические линии произведения.

Так что роман, как раз и ставит под сомнение само «пробуждение», но скользя по «совестливой» линии, свои мысли автор деликатно выносит за текст, а точнее – в мир.

г. Иркутск

АНО «Газета русских писателей “ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”»
Учредитель – Союз писателей России
Свидетельство о регистрации от 12.04.2019
№ 1197700005513

Адрес редакции: 119146, г. Москва, Комсомольский проспект, 13, каб. 109
Тел. редакции: **8 (916) 015-80-69**
Наш сайт: **denliteraturi.ru** Электронный адрес: **denlitera@yandex.ru**
Отпечатано в АО "Красная Звезда" (123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38, тел.: (495) 941-28-62, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62, http://www.redstarph.ru, e-mail: kr_zvezda@mail.ru).
Тираж 4 000

Главный редактор –
Валентина ЕРОФЕЕВА
Шеф-редактор –
Владимир БОНДАРЕНКО

РЕДСОВЕТ:
Александр БОБРОВ
Андрей ТИМОФЕЕВ

Позиция редакции может не совпадать с точкой зрения авторов 18+
Подписано в печать 27.10.2019 г. Заказ №